

**ГОСТЬ, ДЬЯК К. С. БОРИН
И ГОСТИНОЙ СОТНИ Н. Г. АРИСТОВ —
ПЕРВЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КУПЦЫ-МЕТАЛЛОЗАВОДЧИКИ**

В истории отечественной промышленности есть фамилии, с которыми в первую очередь ассоциируется становление и развитие целых отраслей. Самая известная и громкая среди них, остававшаяся на слуху на протяжении столетий, — фамилия Демидовых. Знаменитый род российских металлозаводчиков, вплоть до 1917 г. сохранявший в своих руках созданную еще в петровское время горнозаводскую империю, несомненно являет собой исключительный пример устойчивости и преемственности промышленной династии. Ее истоки восходят к Тульской Оружейной слободе, ставшей родной не одной промышленной фамилии. Выдвижение туляков-предпринимателей в первые ряды крупных металлозаводчиков объяснялось комплексом как объективных, так и субъективных факторов. Отослав читателей к соответствующей литературе¹, хотелось бы сосредоточиться на примере другого характера. Он демонстрирует иной путь организации крупного промышленного производства в результате умелого соединения купеческих капиталов с положением и связями, обретаемыми в результате государственной службы. В настоящей статье автор на основе делопроизводственных документов из фондов Берг-коллегии и Оружейной палаты РГАДА, а также опубликованных, но прежде не использовавшихся купчих и подрядных записей попытается осветить до сих пор мало что известное об истории металлургического завода, основанного Гостиной сотни Никитой Григорьевичем Аристовым и дьяком Кузьмой Семеновичем Бориным в начале 90-х годов XVII в.

По сведениям, приводимым Н. Б. Голиковой, Кузьма Семенович Борин, как и его отец, дед и другие родственники, был коренным москвичом и до пожалования в привилегированную корпорацию гостей (это произошло во второй половине 1670-х гг.) состоял в Суконной сотне. Его дед Остафий, нередко в источниках называемый прозвищем «Пятый», упоминался как член Суконной сотни еще в 1613 г., а отец Семен и дядя Кузьма (сыновья Остафия) впервые вносятся в списки Суконной сотни в 1647 г. при сборе денег за даточных людей². Братья Семен и Кузьма были заметными фигурами не только в сфере торговли, но и активными участниками в делах корпорации. Их подписи встречаются в коллективной челобитной купцов против англичан (1653 г.), а также в Новоторговом уставе.

Дворы братьев Бориных (Семена и Кузьмы) находились поблизости друг от друга, за Яузскими воротами «по леву сторону, идучи к Спасу на Ново», то есть на территории, лежащей от Яузских до Покровских ворот. Этот район в основном населяли тяглецы Семеновской и расположенной рядом

Воронцовской слободы, подьячие разных московских приказов, а также торговые люди Суконной и в меньшей степени Гостиной сотни³.

По разновременным данным Семену Борину в разных местах Москвы принадлежали лавки: одна располагалась недалеко от дома, а другая на Покровской улице, «идучи из города к Покровским воротам, на левой стороне, что в Котельниках». В Китай-городе ему вместе с сыновьями Кузьмой и Иваном принадлежал погреб, в котором «торгуют красными заморскими питья», а в приходе церкви Кира и Иоанна имелась харчевня⁴. По наблюдению Голиковой, удачно выполненные поручения казны, в частности по реализации казенных мехов и приобретению селитры для Пушкарского приказа, сделали старшего из двух сыновей Семена Борина Кузьму Семеновича известным в административных кругах и открыли ему путь в гости, а в конце 1670-х гг. и в приказную среду. Минуя подьяческое звание, в сентябре 1678 г. он сразу получил назначение в дьяки Казенного приказа⁵. В это время приказной аппарат испытывал недостаток в людях со специальными, главным образом торгово-финансовыми навыками, а потому пополнение дьячества выходцами из гостей для службы в финансовых приказах было не таким уж редким явлением. В дьячей среде, помимо Кузьмы Борина, оказались гости Н. Чистов, А. Кириллов, Г. и Д. Панкратьевы, Е. И. Иванов, И. Л. Герасимов, А. Чистов и некоторые другие⁶. Позднее Борин служил в финансовых приказах, ведавших различными пошлинными и податными сборами: в Приказе Большой казны, который управлял также корпорациями гостей, Гостиной и Суконной сотнями, в Приказе Большого прихода, в Новой четверти, в Серебряной палате. В 1700 г. он вместе с окольным А. Т. Лихачевым был назначен в Приказ рудокопных дел, которому следовало организовать разведку и добычу золотых, серебряных и медных руд на территории Европейской России. Новый приказ был непосредственно связан с деятельностью Приказа Большой казны, в ведении которого находились казенные мануфактуры и четыре денежных двора: «И сидеть им в Приказе Большие казны особо и писать Приказом рудокопных дел»⁷.

Трудно определить, в какой мере и каким образом служебная карьера Борина имела отношение к тому факту, что в начале 1690-х гг. им и Гостиной сотни торговым человеком Н. Г. Аристовым был построен металлургический завод. Он включал доменное и молотовое производства и располагался на государевых дворцовых землях в Романовском уезде на речке Белый Колодезь (Белоколодец), притоке реки Воронеж. Для организации крупного промышленного предприятия требовались значительные средства. По справке в Берг-коллегии, составленной в 1721 г. в связи со взятием заводов в казну, сказано: «А строили те заводы оныя дьяк и Аристов на свои деньги».

Источники их накопления, видимо, были обычными для купеческой среды: торговля, казенные подряды и откупа, поставки импортных товаров. О разветвленной торговой деятельности Бориних свидетельствуют не только

принадлежавшие им торговые заведения, расположенные в разных районах Москвы, но и деловые контакты с иностранными купцами. Так, в 1677 г. Кузьма Борин челобитной просил государя отпустить в шведский город Ругодив брата Ивана для взыскания с английского купца А. Гойла долга в размере 1755 руб. Разрешение, возможно, было получено не сразу, так как только в 1684 г. И. С. Борину удалось в зачет долговых денег доставить в Москву через Новгород взятое им за рубежом на англичанине Гойле «питье»⁸. Именно через брата Ивана и сына Матвея, в 1680-х гг. записанных в Гостиную сотню, Кузьма Борин в основном и осуществлял свои торговые операции.

Дьяческая служба в финансовых приказах обогащения не сулила. Об этом писал сам Кузьма Борин в октябре 1684 г. в челобитной в связи с пожаром, случившемся в Москве за два месяца до этого. Тогда его двор в Кадашевской слободе: «деревянное строение, и посуда, и запас» — сгорел весь «безостатку». В челобитной на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей Борин подчеркивал, что «в Казенном приказе, кроме ... государского жалованья, иным питатца нечим». А потому он просил «для пожарного ... разорения» наградить его по примеру дьяка того же приказа Федора Максимова, погоревшего в 1679 г. По справке из Приказа Большой казны Федор Максимов получил деньгами 50 руб. и из дворцовых житниц и дворов ржи и овса по 25 четей, солода 5 четей, по полторы белуги и осетра, 25 пучков визиги, полпуда икры паюсной, по осьмине гречневой и овсяной крупы, две чети с осьминою муки пшеничной. То же было велено выдать и Борину. Ссылка на пример Максимова для Борина оказалась не удачной, так как его оклад был больше и составлял 80 руб. В новой челобитной дьяк пытался исправить сделанную оплошность, ссылаясь, что «иным де ево братье дьяком для пожарного разоренья дано денгами по окладом их и больши», и, отказываясь от дворцовых хлебных и рыбных припасов, просил выдать ему денежную компенсацию в размере оклада. Однако принятое уже решение осталось прежним⁹. Кузьма Семенович не только отстроил заново свой двор, но и поставил на нем (правда, возможно, позднее) каменные палаты.

По данным Боярских списков 1684–1687 гг. дьяк Кузьма Борин имел 5 крестьянских дворов, а назначенный ему поместный оклад составлял 700 четей. Как установила Н. Ф. Демидова, на протяжении всего XVII в. это был обычный новичный оклад дьяков. Причем размер их фактического землевладения, как правило, был во много раз меньше, а к концу столетия этот разрыв еще более возрос, и увеличилась численность дьяков безземельных¹⁰. Точный размер землевладения Кузьмы Борина не известен, но малочисленность имевшихся у него крестьянских дворов позволяет отнести его к числу мелкопоместных дьяков. В дополнение к поместной земле в 1688 г. он купил крохотную в шесть четвертей вотчину в Зубцовском уезде¹¹, вероятно, по примеру гостей намереваясь использовать ее в промысловых целях.

Принадлежность к корпорациям гостей и Гостиной сотни, а также служба в приказном аппарате открывали новые возможности по реализации деловых и личных связей с царской администрацией и в торговом мире в интересах собственной хозяйственной деятельности. На эту сторону служб привилегированного купечества России обратила внимание Н. Б. Голикова, подчеркнувшая многомерность взаимоотношений государства и привлекавшихся к службе ему привилегированного купечества¹².

Не известно, что именно подвигло К. С. Борина и Н. Г. Аристова к строительству завода. Высказывалось предположение, что инициатива могла исходить непосредственно от Петра I¹³. Это кажется маловероятным, поскольку в годы, когда был основан завод, юный государь еще занимался потешными войсками, а в 1693 г., «заболев» морем, первый раз отправился в Архангельск, где была основана верфь для строительства кораблей. Более того, документы Берг-коллегии указывают на Никиту Аристова как на инициатора строительства железодельного завода на речке Белый Колодезь. Об этом становится известно из справки от 16 декабря 1720 г., представленной Канцелярией липецких заводов в Адмиралтейств-коллегию в связи с запросом, поступившим ей от Берг- и Мануфактур- коллегий. Промышленное ведомство интересовалось, «для чего из Адмиралтейства были отписаны» железные заводы дьяка Якова Борина и Гостиной сотни Никиты Аристова и «какая оценка тем заводам из Адмиралтейства была ль»¹⁴. Запросив сведения из Канцелярии липецких заводов, Адмиралтейств-коллегия выяснила, что 7 февраля 1690 г. («во 198-м году») воеводе г. Романова стольнику Науму Чевкину из Приказа Большого дворца был послан указ великих государей, которым велено Гостиной сотни Никите Аристову «по челобитью ево» (курсив наш. — Н. К.) построить в Романовском уезде на мельницах, что даны ему из Приказа Большого дворца, «или, где пристойно, ... к железным заводам плотины и домны вновь и руду копать, где приищет пристойные ж места. И оное делать ему, Никите, своими мастеровыми и работными людьми. А как он, Никита, те заводы построит, и ему теми заводами за строение владеть безоборочно пять лет. А после тех пяти лет ему ж, Никите, оными заводами владеть дватцать пять лет из оброку без перекупки». Список с этого указа в заводскую Канцелярию представил сын Аристова Иван Никитич. Удалось установить и точную дату пуска заводов: «онные в работе железом быть стали в 201 году». Причем, поскольку поясняется, что «вышепомянутый Аристов и дьяк Борин оными заводами владели ноября по 1-е число 720 году дватцать восемь лет и два месяца», то следовательно пущены заводы были 1 сентября 1692 г.¹⁵

Это уточнение важно, поскольку до сих пор при решении вопроса о времени основания «Боринского» завода приходилось довольствоваться косвенными свидетельствами. В итоге в литературе это событие датировалось весьма расплывчато — от 1692–1693¹⁶ до 1694–1695 гг.¹⁷ Отсутствие точной даты оставляло открытым вопрос о том, какое предприятие — рома-

новское (Боринское) на р. Белый Колодезь или тульский завод Н. А. Демидова — открывает список металлургических мануфактур России, основанных представителями непривилегированных сословий. Самая ранняя дата относит основание Тульского металлургического завода Демидова к 7203-му г., что соответствует периоду с 1 сентября 1694 по 31 августа 1695 г.¹⁸ И. Н. Юркин как автор многочисленных трудов по истории промышленной династии Демидовых и имея, понятный, по его словам, соблазн отдать им пальму первенства, все же признал отсутствие пока достаточных к тому оснований¹⁹. В свете приведенных документов вопрос этот решается в пользу Аристова и Борина.

Обращает на себя внимание и тот факт, что дьяк Борин в числе организаторов завода впервые упоминается лишь с момента отсчета урочных лет, в то время, как его компаньон Аристов еще до получения царского указа уже владел в тех местах мельницами, переданными ему в оброчное владение из казны. Причем царским указом будущему промышленнику предоставлялась возможность самому решать, использовать ли для доменного производства уже имеющиеся мельничные плотины, или «построить к железным заводам плотины и домны вновь».

Основание частного, а позднее и казенных металлургических заводов на территории Воронежско-Тамбовского края определялось наличием благоприятной сырьевой базы: здесь имелись залежи железной руды, обширные лесные массивы, развитая речная сеть и высокий уровень развития среди крестьянского и посадского населения железоделательных промыслов²⁰. Можно предположить, что именно торговый человек Гостиной сотни Никита Аристов, записанный в привилегированную корпорацию из московских посадских людей в 1686 г., первым из будущего тандема романовских заводчиков стал присматриваться к перспективному в плане чугунолитейного и железоделательного производства району. Кузьма Борин, к тому времени уже давно принадлежавший к торговой элите, был ему, несомненно, полезен не только капиталами, но и своими служебными связями. Последние могли помочь в организации более точной разведки рудных месторождений и в определении качества их пород.

О том, как организовывалась работа на заводах, каков был объем и характер производимой продукции известно мало. Из документов Берг-коллегии следует, что железную руду копали на глубине 10–12 саженей в том же Романовском уезде за 10 верст от чугунолитейного завода. Для этого нанимали романовских «охочих разных жителей», которые за каждые 1000 пудов получали по 3 руб. 10 коп. и за провоз по 2 руб.²¹ Эти данные свидетельствуют о близости завода к рудникам, что было важно, учитывая громоздкость и дороговизну перевозки рудных пород в объеме, необходимом для переплавки²². Расположение завода отвечало и другим необходимым условиям — наличию древесного топлива и строительного леса, мелкой реки, пригодной для запруды и близости к полноводной и судоходной реке.

По сведениям, приводимым Н. И. Павленко, первоначально продукция завода ориентировалась на внутренний рынок²³. Однако в период подготовки к Азовским походам ее монопольными потребителями становятся казна, а затем и кумпанства, строившие флот. Так, в апреле-мае 1696 г. на военные нужды с завода было взято «железа дельного прутowego» 1200 пудов, а в 1700 г. заказано 400 пушек²⁴. По тому времени это был крупный завод, имевший перспективы развития в виде сырьевой базы и гарантированных казенных заказов.

В 1701 г. Никита Григорьевич Аристов развертывает на заводе масштабные строительные работы, нацеленные на расширение производства. С 24 марта по 4 апреля 1701 г. он заключает пять подрядов о найме крестьян и слободских жителей Москвы. Согласно подрядным записям крестьяне (13 чел.), происходившие из разных помещичьих деревень Галицкого уезда, должны были «делать на романовском ево железном заводе плотину, и хоромы, и всякое плотнишное деревянное дело», «что ни заставит он, Никита», получая по 1,5 руб. в месяц. Посадским же тяглецам Москвы (10 чел.) следовало работать «на железном заводе у земляного дела около прудовой плотины», беря ежемесячно по 40 алт.²⁵ По наблюдению авторитетного знатока истории русской промышленности П. Г. Любомирова, плотина являлась самым сложным, трудным и дорогостоящим элементом заводского комплекса²⁶. В данном случае, вероятно, речь шла об увеличении уже имеющейся на заводе плотины с тем, чтобы повысив уровень воды в заводском пруду, можно было увеличить мощность вододействующих механизмов — доменных и молотовых мехов. 28 апреля Аристов оформил в Москве еще один подряд с крестьянином костромской вотчины боярина А. П. Салтыкова о производстве «в Романове на железном заводе» 100 тыс. кирпичей и их обжиге своими работными людьми, получая за каждую тысячу по 22 алт. 4 д. (70 коп.)²⁷. Если это был особый огнеупорный кирпич, который только и годился для кладки доменных горнов и плавильных печей, то, возможно, речь шла о постройке еще одной домы.

Весьма примечательно, что все подрядные записи составлены на имя Аристова. Именно он нанимал работников, определял объем и характер работ, а также следил за ходом их выполнения на заводе. Его компаньон Борин, связанный служебными обязанностями (в то время в Приказе рудных дел), не мог непосредственно участвовать в этом процессе. Однако, будучи в Москве, Борин брал на себя заботы другого рода. В то же самое время, что и Аристов, а именно 3 апреля и 7 мая 1701 г., он заключил два договора с каменных дел подрядчиками, крестьянами Костромского уезда (6 чел.), о постройке ими в глубине его двора, помимо уже имеющихся, еще одних каменных палат, а также двух палат на дворе Аристова²⁸. Этот факт свидетельствует, что материальное положение заводчиков было вполне благополучно и позволяло им одновременно с производственными затратами вкладывать средства в обустрой-

ство своей домашней жизни. Продуманное распределение обязанностей и, разумеется, взаимное доверие также можно отметить в качестве дополнительных штрихов характеристики их совместной предпринимательской деятельности.

Судя по всему, ни Боринские заводы, ни казенные Липский (Липецкий) и Кузминский, построенные по соседству на притоках реки Воронеж Липец и Кузминке в 1703–1704 гг. для снабжения Азовского флота и южных крепостей пушками, ружьями и якорями, а также различными железными припасами, не испытывали недостатка в руде, мастерах и работниках. Тем не менее, уже в 1712 г. была предпринята первая попытка отобрать заводы Аристово-Борина в казну. Инициатива исходила от Адмиралтейства, которое после утраты Россией Азова стало основным потребителем продукции казенных Липецких заводов. Указом из Адмиралтейства Романовский завод был описан, и велено после оценки выдать деньги владельцам, «а заводу быть за государем в казне». Однако тогда начатый было процесс завершен не был.

Вновь вопрос о судьбе завода встал в марте 1721 г., когда обер-фискал А. Я. Нестеров обратился с доношением в Берг-коллегию. В нем он выражал беспокойство, «чтоб оной завод бес призрения чьим роскошением был не утрачен», и предложил отписать его в казну или передать тем, кто пожелает взять «из наддачи ... с платежем железа и протчаго». В то время производство завода ориентировалось на потребности частного внутреннего рынка. Его продукция — железо и чугунные котлы — беспошлинно продавалась в Москве и в других городах: «железо ценою и с провозом по тринатцати алтын по две деньги пуд, котлы по той же цене пуд без провозу»²⁹. Доводы обер-фискала сводились к следующему. Во-первых, смерть как основателей завода, Борина и Аристова, так и их наследников мужского и женского пола, в частности дьяка Якова Кузьмича Борина, владевшего заводом после своего отца. «А у Якова Борина, — читаем в доношении, — остались только мать, и та в престарелых летех, а жена в болезнях, и управить им того заводу не можно». Яков Борин скончался не ранее 27 октября 1720 г., когда им была написана «заветная» духовная³⁰, и не позднее марта 1721 г., когда начался процесс отписки завода в казну. У него был внук Андрей Клементьев, сын его давно умершей дочери Екатерины, воспитывавшийся после смерти в 1714 г. отца, солдата Петра Ивановича Клементьева, в московском доме деда³¹. Жив был и сын Н. Г. Аристова Иван Никитич, также как и отец, состоявший в Гостиной сотне (с 1702 г.). Он родился где-то в 1677 г. и прожил долгую жизнь: согласно переписной книге Москвы 1747 г. ему тогда было 70 лет³².

Во-вторых, Нестеров в своем доношении обращал внимание на окончание урочных лет, на которые под строительство заводов Борину и Аристову была передана дворцовая земля с угодьями³³. И в этом случае утверждение обер-фискала было не точным. Как признала и Адмиралтейств-коллегия, на 23 апреля 1721 г. «число урочных лет не вышло год и пять месяцев». Тем не менее, 15 мая, то есть спустя три недели, коллегия, вновь сославшись на

урочный характер владения построенными Бориным и Аристовым заводов, приговорила приписать их к Липецким и Кузминским заводам³⁴. Причем на этот раз об отсутствии наследников у первых владельцев предприятий как о причине их взятия в казну речь уже не шла. Вероятно, именно потому, что такой причины и не было. После смерти основателей предприятия их сыновья, Гостиной сотни Иван Никитич Аристов и дьяк Яков Кузьмич Борин совместно продолжали начатое их отцами производство³⁵.

Кто играл главную роль в сообществе основателей завода окончательно определить не удастся. Грамота на строительство завода была выдана Аристову. Он же в дальнейшем принимал непосредственное участие в производственных делах предприятия. Между тем, в сочинении И. К. Кирилова и во всей исследовательской литературе завод обозначается как «Боринский». Только Я. К. Борина из владельцев завода второго поколения называет обер-фискал Нестеров в доношении в Берг-коллегию. Складывается впечатление, что в административных кругах, особенно после кончины Н. Г. Аристова³⁶ Романовское предприятие ассоциировалось именно с Бориным, фамилия которого по-прежнему была на слуху, благодаря дьячеству Якова Кузьмича. Его смерть решила судьбу завода. Примечательно, что он сам в своей духовной вовсе не затрагивал вопрос преемственности владения их с Аристовым предприятия, скорее всего, предвидя его отписку в казну после своей смерти. Его внук Андрей Клементьев («школьник») и Иван Никитич Аристов ни по своим склонностям и качествам, ни по наличию капиталов, видимо, не могли продолжить дело. К тому же близкое соседство с более крупными казенными чугунолитейным и молотовыми заводами, использовавшими те же залежи железных руд, лишало частное производство перспективы развития. Да и казна в лице Адмиралтейства была настроена решительно и вовсе не рассматривала альтернативные варианты. В итоге, завершив свою самостоятельную историю, завод на речке Белый Колодезь влился в комплекс казенных металлургических предприятий Липецкого района. Истоки же его создания восходят к инициативе и трудам Гостиной сотни Никиты Аристова и дьяка Якова Борина.

Примечания

¹ Обстоятельное объяснение «тульского феномена» см.: *Юркин И. Н.* Демидовы в Туле: Из истории становления и развития пром. династии. М.; Тула, 1998.

² *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 155.

³ Переписные книги города Москвы 1665–76 гг. М., 1886. Стб. 62.

⁴ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 156. См. также: *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. Стб. 1188, 1202.

⁵ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биограф. справ. М., 2011. С. 82.

⁶ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 78–79.

⁷ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. 1975. С. 63.

⁸ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. / Отв. сост. Т. Б. Соловьева. Т. 1. М., 2004. № 66. С. 288.

⁹ РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. Д. 21 723. Л. 1–16.

¹⁰ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль... С. 90–105.

¹¹ РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ). Оп. 1. Кн. 279. Л. 593–593 об.

¹² Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 103–104.

¹³ Н. И. Павленко в этом предположении ссылается на рукопись И. И. Коган. См.: Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Пром. политика и упр. М., 1953. С. 58–59.

¹⁴ Имеется в виду попытка Адмиралтейств-коллегии, предпринятая еще в 1712 г., взять заводы в казну.

¹⁵ РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1. Ч. 1. Кн. 614. Л. 9–10 об.

¹⁶ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности... С. 58.

¹⁷ Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л. 1947. С. 11, 158; Струмилин С. Г. Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. М., 1967. С. 93.

¹⁸ См.: Юркин И. Н. Демидовы в Туле. С. 52.

¹⁹ Юркин И. Н. Тульский завод Демидовых: Из истории становления и развития домен. металлургии России, 1695–1782. М., 1996. С. 14–15.

²⁰ Григорова В. А. Кустарные промыслы Черноземного Юга России и их роль в создании заводской металлургической базы: середина XVII — середина XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 2006. С. 18–22.

²¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 614. Л. 6.

²² Для обеспечения литейного производства сырьем в сотни тысяч пудов требовались многие тысячи подвод. Соответствующие расчеты см.: Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947. С. 302–303.

²³ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности... С. 59.

²⁴ Любомиров П. Г. Очерки по истории... С. 295.

²⁵ Частное строительство в Москве и Подмоскowie: Первая четверть XVIII века: Подряд. записи / Сост., авт. вступ. ст., очерков, коммент. М. В. Николаева. Т. 1. М., 2004. № 40, 45, 48, 60, 69.

²⁶ См.: Любомиров П. Г. Очерки по истории... С. 313.

²⁷ Частное строительство в Москве... № 86.

²⁸ Там же. № 67, 93.

²⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 614. Л. 6 об.

³⁰ Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 545. Ч. 1. Л. 187 об.–189 об.

³¹ Там же. Ч. 3. Л. 848 об.–850.

³² Переписная книга Москвы 1747 года // Материалы для истории московского купечества. Т. 1. М., 1883. С. 2.

³³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 614. Л. 5–5 об.

³⁴ Там же. Л. 9–10 об.

³⁵ В записных книгах фонда Московской крепостной конторы РГАДА за разные годы первых двух десятилетий XVIII в. удалось найти несколько записей духовных и различного рода рядных, относящихся к членам семьи дьяка Я. К. Борина и Гостиной сотни

Н. Г. Аристова. Они позволили заострить внимание на значение «семейного» фактора в становлении династии промышленников. См.: *Козлова Н. В.* Гость, дьяк, металлостроитель Кузьма Семенович Борин и его потомки: к вопросу об устойчивости пром. династий в России петров. времени // *Российская история.* 2014. № 4. С. 112–125.

³⁶ Годы жизни Н. Г. Аристова не известны. По сведениям Н. Б. Голиковой, упоминающей о нем как о состоявшем в Гостиной сотне относятся к 1686–1713 гг. (см.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 156).

И. Н. Юркин

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКИНФИЯ НИКИТИЧА ДЕМИДОВА В ДОНОСАХ В КОМИССИЮ СЛЕДСТВИЯ О ПАРТИКУЛЯРНЫХ ЗАВОДАХ (1733–1736 гг.)

В 1733 г. императрица Анна Иоанновна приняла решение о проведении масштабной компании по проверке правильности внесения налогов российскими металлостроителями. Проверяющих интересовало, в какой степени фактические налоговые поступления от владельцев горно-металлургических заводов соответствуют суммам, которые с них следовало получать по действующим законам. Необходимо пояснить, что с момента издания в 1719 г. Берг-привилегии сведения об объекте налогообложения (сколько и какого металла выплавлено) сообщали сами заводчики. Заявительный характер позволял искажать отчетность в сторону уменьшения налогооблагаемой базы. Некоторые из заводчиков, возможно, этим пользовались. Для проведения проверки была создана специальная комиссия во главе с П. П. Шафировым, получившая название Комиссии следствия о партикулярных заводах. Источниками информации для нее служили документы госучреждений (в частности, Берг-коллегии), материалы, привезенные посланными на места специальными представителями Комиссии, и поступавшие в нее доносы. В данной промышленной отрасли крупнейшими в России являлись в то время промышленные хозяйства двух братьев Демидовых — Акинфия и Никиты Никитичей. Входившие в них заводы находились преимущественно на Урале (у первого) и в центре Европейской части России (у второго). В поступавших на Демидовых доносах и в документах, связанных с их расследованием, содержится богатая информация, касающаяся как производства металла (ее в данной статье не касаемся), так и его реализации, т. е. торговли.

Наиболее интересны сведения о торговле демидовским металлом, присутствующие в доносе Алексея Игнатьева (поповского сына, некоторое время служившего у А. Н. Демидова приказчиком в Москве¹), и в том делопроизводстве, которое этот донос породил.